

Был ли Павел Чехов «новым русским»?

Шипулина О.

В конце ноября в самой скандальной городской газете «Эхо недели» была опубликована заметка П. Ржевского «Так где же родился Чехов?». Ее автор высказал сенсационную версию о том, что семья Чеховых, по всей видимости, к моменту рождения третьего сына Антона жила отнюдь не в привычном нам скромном домике. Ведь в то время отцу будущего писателя, согласно документам, хранящимся в Таганрогском музее, принадлежало три лавки, и, значит, «был он человеком совсем не бедным, из тех, кого нынче называют «новыми русскими», и мог позволить себе куда более комфортабельное жшье.

Однако работники музея-заповедника с версией «Эха недели» не согласны, и «ТП» публикует их мнение по этому поводу.

Да, «Домик Чехова» давно уже стал одним из символов Таганрога, и к нему действительно привыкли. И не многие из таганрожцев задумывались, а действительно ли это и есть то самое место, где появился на свет великий русский писатель, чье имя подарило городу такую известность. Но все же сомневающиеся есть. А потому для всех сомнеющихся в лице П. Ржевского давайте внесем ясность в этот и другие вопросы, затронутые в публикации. Итак...

Глава I.

О том, как бывший крепостной стал купцом

После выкупа на волю и переезда из Ольховатки в Таганрог отец писателя Павел Егорович долгие годы служил в магазине И.Е. Кобылина, первогильдийского купца и городского головы, приказчиком, но мысль о самостоятельном коммерциозном предприятии не покидала его.

Ростовский краевед М.Б. Краснянский в статье «Купец третьей гильдии П.Е. Чехов», опубликованной в 1935 г. в сборнике «Чехов и наш край», утверждает, что П. Чехов сколотил состояние на поставках продовольствия в начале Крымской войны, а также то, что стал он впоследствии не таганрогским, а ростовским купцом. Однако никаких документальных подтверждений этому он не приводит, нет даже ссылок на какие-либо конкретные документы. Не обнаружено ничего и в описях различных фондов ГАРО, где обычно перечисляются и утраченные со временем дела, хранившиеся когда-то в архиве. Музейщики же в своей работе всегда опираются на конкретные документы и окончательные выводы делают исходя из них, а предположения обязательно оговаривают.

Начальный капитал у Павла Егоровича появился, по всей вероятности, не вдруг, копился постепенно, и лишь в конце 1857 г. Чехов подал в Таганрогскую городскую Думу прошение о причислении его с семейством в таганрогское купеческое общество (хранится в отделе фондов музея-заповедника). Есть сведения, что в этом начинании его кредитовал И.Е. Кобылин, быть может, какую-то помощь оказали родственники. Во всяком случае в записных книжках Павла Егоровича между 1852-м и 1856 гг. есть такие записи:

«1856 г. 18 апреля. Денег здесь 190 руб. сер. получено от Кобылина»;

«В декабре 1856 г. дано им (Митрофаном Егоровичем Чеховым – прим. авт.) 350 руб., еще 87-50 ассигн.».

Приданое Евочки Морозовой, происходившей, как утверждает П. Ржевский, из небедной семьи, Павлу Егоровичу – увы! – не помогло открыть торговлю, поскольку приданого этого в денежном выражении фактически не было. Отец Евгении Яковлевны за 7 лет до замужества дочери умер от холеры где-то в донских степях, не оставив семье ничего.

Таким образом, начиная дело, новоявленному купцу приходилось рассчитывать большей частью на свою оборотистость.

Глава II.

О том, как купец Чехов не стал «новым русским»

В 1860 г., т.е. в год рождения Антона, Павел Егорович был купцом 3-й, а не 2-й гильдии, о чем свидетельствуют «Книги объявивших купеческие капиталы» на 1860-й, 1861-й, 1862 гг., хранящиеся в ГАРО. Согласно «Городовому положению» 1827 года (действовало до 1870 г.) купцом 3-й гильдии считался каждый, объявивший капитал от 1000 до 5000 руб. Из архивных документов следует, что Павел Егорович объявил капитал 2400 руб. серебром. Но это вовсе не означает, что он обладал именно такой суммой. Дело в том, что сумма капитала согласно тому же «Городовому положению» была на совести объявлявшего. То есть купец мог назвать сумму по своему усмотрению, и никакой налоговый инспектор не имел права проверить это или опротестовать. Кроме того, в «Книгах объявивших купеческие капиталы» против фамилий всех купцов 3-й гильдии стоит одна и та же сумма – 2400 руб.: это и П. Чехов, и А. Гнутов, и Г. Лобода, и все остальные. Именно с этой суммы все купцы и платили налоги на каждый последующий год. Еще одним доказательством того, что в год рождения Антона Павел Егорович был купцом 3-й, а не 2-й гильдии, служит запись о рождении писателя в метрической книге Успенского собора: «Родители его, таганрогский 3-й гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна, оба православного исповедания».

Во 2-ю купеческую гильдию П.Е. Чехов перешел в 1863 г., да и то автоматически, поскольку 3-я с 1 января указом правительства была отменена.

Что же касается количества торговых точек, то, действительно, согласно данным генеральной проверки торговли, производившейся в Таганроге в 1861 г., отец годовалого Антоши значился третьим гильдийским владельцем трех лавок: «1) на Петровской площади – чай, сахар и др. товар; 3000 р.; торгует сам; 2) на Александровской площади - бакалейные товары; 2000 р.; торгует приказчик родной брат М.Е. Чехов по зарегистрированному свидетельству; 3) там же – красный товар; 1000 р.; торгует приказчик А.Б. Долженко по зарегистрированному свидетельству». Однако на самом деле, как было установлено краеведом Андреевым-Туркиным, архивным служащим по специальности, начавшим сбор документов и воспоминаний о Чехове еще до революции, зять Павла Егоровича А.Б. Долженко и М.Е. Чехов торговали самостоятельно. Приказчиками Павла Егоровича они считались лишь для того, чтобы избежать выборки необходимых по роду торговли документов. Кстати, «красный товар» в лавке А. Б. Долженко являл собою на самом деле рубахи, штаны, платки, а также холст, причем белье для продажи шила Антошина тетьа Фенечка, жена Долженко.

Итак, к моменту рождения Антона Павел Чехов отнюдь не «крутовал», как говорят сейчас. Собственного угла он по-прежнему не имел и проживал в родительском доме, который пришлось оставить после свадьбы младшего брата. В поисках пристанища Павел Егорович, вероятно, обратился к своему старшему коллеге, купцу 3-й гильдии Александру Гнутову. Тот и предложил ему флигель в собственном домовладении на Полицейской улице.

Глава III.

«Родился я в доме Болотова или Гнутова...»

К чести таганрожцев следует сказать, что писателя Чехова они любили и гордились им еще при его жизни. В 1902 г. Антон Павлович ответил на вопрос о месте своего рождения, заданный в письме члена городской управы П.Ф. Иорданова, в прошлом – соученика Чехова, впоследствии – городского головы, с которым, впрочем, в приятельских отношениях Чехов никогда не состоял. Именно тогда он и сообщил: «Родился я в доме Болотова или Гнутова (так говорит моя мать), на Полицейской улице, в маленьком флигеле во дворе».

Спустя два года писатель умер, и появившийся в Таганроге Чеховский кружок начал собирать «живую старину о Чехове» и, надо думать, тогда же вычислил на Полицеской улице бывшее домовладение Гнутова. Что же касается Болотова, то купеческий сын Константин Болотов был приказчиком в торговле Гнутова.

Задерживаться в маленьком глинобитном домике Чеховы наверняка не планировали. Считается, что здесь они прожили один год и три месяца (до упоминания о следующем домовладельце), но возможно, и меньше. Так это или нет, но именно здесь в канун дня Антония Великого и появился на свет их третий ребенок.

Возможно, в середине прошлого века на усадьбе стоял и большой дом хозяина. Однако, думается, молодой семье с двумя маленькими детьми было предложено отдельное жилье. Да к тому же нет оснований не доверять Евгении Яковлевне, которая в 1902 г., когда пролетарское происхождение не считалось предпочтительным, не стала бы умышленно "обеднять" свою семью.

Кстати, свидетельства о небогатой жизни Чеховых имеются и в воспоминаниях их дальних родственников, записанных Андреевым-Туркиным в 1909 г. и хранящихся в музее-заповеднике. Впрочем, дела Павла Егоровича не всегда шли так уж плохо, если учесть, что каждая последующая квартира, которую он подбирал для своей семьи, была лучше предыдущей. И к моменту переезда в дом Моисеева (в настоящее время музей «Лавка Чеховых») Павел Егорович был вовсе не обедневшим, как пишет Ржевский, а вполне благополучным купцом. Именно поэтому, имея на руках шестерых детей и ожидая седьмого, он мог позволить себе снять двухэтажный особняк для собственного семейства, а позднее замахнуться на строительство собственного дома.

И, наконец...

Глава IV. Последняя

«Бедное», а точнее, скромное убранство дома на Полицейской придумали не музейщики, готовившие в 60-е годы новую экспозицию «Домика Чехова», который к тому времени существовал уже около 40 лет. Они лишь обратились к материалам, накопленным Андреевым-Туркиным, пообщались со старожилами города, рассказавшими о том, в каких домах, в какой обстановке жили когда-то их родители, их дедушки и бабушки. Итогом этой работы и стала мемориальная экспозиция «Домика», включающая в себя 16 подлинных чеховских экспонатов.

Ныне музей по-прежнему известен и уважаем. Он входит в реестр всемирно значимых памятных и исторических мест, составленный международной организацией ЮНЕСКО, и по праву, учитывая его более чем 70-летнюю историю, является одним из символов Таганрога.

На этом, думается, можно поставить точку. Полагаю, П. Ржевский найдет здесь ответы на все свои сенсационные выводы. Вот только сенсации не получилось: автор публикации в газете «Эхо недели», увлекшись своей идеей, известные и малоизвестные факты из таганрогской жизни Чеховых забыл поставить в хронологическом порядке.